

Научная статья
УДК 314.74, 572.028
doi: 10.17223/2312461X/45/5

Неформальные практики трудовой занятости студентов из Китая на предприятиях лесной промышленности в Томской и Иркутской областях

Себастьян Емец

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, sebastjan.jemec@outlook.com*

Аннотация. Впервые представлен анализ практик неформальной трудовой занятости китайских студентов в сфере лесной промышленности в России. Главными источниками данных являются этнографические свидетельства повседневной жизни китайских студентов – интервью и включенное наблюдение. Полевая работа включала посещение лесопромышленных заводов, общежитий и миграционных учреждений в Томской и Иркутской областях в 2022–2023 гг. Исследование выявило, что работа в лесной промышленности не пользуется популярностью среди китайских студентов, однако предоставляет возможность заработка, взаимодействия с местными русскоязычными предпринимателями и обретения социальных связей внутри китайского сообщества.

Ключевые слова: лесная промышленность, китайские студенты, передача знаний, неформальная работа, регулирование трудоустройства

Для цитирования: Емец С. Неформальные практики трудовой занятости студентов из Китая на предприятиях лесной промышленности в Томской и Иркутской областях // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 101–127. doi: 10.17223/2312461X/45/5

Original article
doi: 10.17223/2312461X/45/5

Informal Employment of Chinese Students in the Forest Industry in Tomsk and Irkutsk Regions

Sebastjan Jemec

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
sebastjan.jemec@outlook.com*

Abstract. The problems of informal employment of Chinese students in the forest industry in Russia have not received academic attention before. My analysis draws from ethnographic fieldwork related to informal practices of Chinese students in Tomsk and Irkutsk Regions between 2022 and 2023. Ethnographic knowledge is based on the daily lives of Chinese students, collected through participant observation in wood processing plants, dormitories, and migration institutions and interviews conducted in the Chinese language. The article concludes that work in the forest industry is unpopular among

Chinese students. However, this economic activity offers the chance to earn for living, expand social ties within the Chinese community, and interact with local Russian-speaking economic actors.

Keywords: forest industry, Chinese students, knowledge transfer, informal work, employment regulation

For citation: Jemec, S. (2024) Informal Employment of Chinese Students in the Forest Industry in Tomsk and Irkutsk Regions. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 101–127. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/5

Введение: неформальная занятость китайских студентов

Остаешься в городе после учебы? Значит наверняка занимаешься лесом или орехами! Вот мой друг китаец покупает лес и отправляет в Китай. И еще шишки и орехи. Не знаю зачем... По-моему, в Китае из них масло делают... (ПМА-1, май 2023 г.)

Данное высказывание принадлежит таксисту, гражданину Таджикистана, проживающему 10 лет в Томске. И высказано оно было во время поездки в пригород, устроенной мною с двумя китайскими студентами в начале мая 2023 г. Таксист был восхищен уровнем русского языка одного из студентов, магистранта, обучающегося в России в течение семи лет. И его реакция указывает на несколько важных моментов. Во-первых, она свидетельствует о том, что экономическая деятельность китайских граждан в лесной промышленности общеизвестна жителям города. Во-вторых, она предполагает, что китайские студенты в Томске, владеющие русским языком, возможно, участвуют в продаже сибирского леса и других природных ресурсов в Китай.

В Томске учится значительное число китайских студентов, и, по оценкам сотрудников томских университетов и членов томского отделения Ассоциации китайских студентов, их численность в городе превышает тысячу человек. По словам таксиста, неоднократно развозившего китайских студентов по общежитиям, торговым центрам и ресторанам, в Томске редко можно встретить китайских студентов, разговаривающих хорошо на русском языке. Поэтому он предположил, что общительный пассажир, естественно, будет заниматься «лесом или орехами». И действительно, китайский студент, оканчивавший магистратуру, находился в активном поиске работы в России. Однако он не планировал трудоустроиваться в сфере лесного бизнеса или заниматься скупкой «орехов» – кедровых шишек. Во время обучения он работал на китайских предпринимателей, занимал должность бухгалтера в китайском общепите и поставщика китайских товаров в Россию. Почему же трудовая занятость в лесной промышленности не привлекала студента? Во-первых, лесная промышленность – это тяжелый и опасный труд. Во-вторых, студент хотел работать по специальности и не имел специальных навыков,

связанных с лесной промышленностью. Он изучал экономику и международные отношения и хотел работать на крупнейшую китайскую компанию в сфере, связанной с этими областями знания. Высказывание таксиста отражает сложившееся представление о китайских гражданах в России как лицах, вовлеченных в незаконную торговлю природными ресурсами Сибири. Но, как показывает пример выше, это не всегда так. Многие китайские студенты в России стремятся получить образование и найти работу в соответствии со своими интересами и навыками.

В данной статье на примере Томской и Иркутской областей анализируются практики неформальной занятости китайского студенчества в местной экономике. Владение китайским языком позволило мне провести классическое, с точки зрения стационарности и погруженности, этнографическое включенное наблюдение с начала 2022 г. до окончания работы над данной статьей в конце 2023 г. С самого начала общения с китайскими студентами в Томске мне стали интересны вопросы их трудоустройства, временного заработка и неформальных практик, в том числе в лесной промышленности. С экзистенциально-философской точки зрения, ценность исследования неформальных практик трудовой занятости требовала от меня переустройства самой структуры познания, перехода к критической оценке методологических возможностей собственного историообразующего осознания, так называемой картины истории (Больнов 1999: 160). В экзистенциалистской философии утверждается, что в отличие от западных убеждений, китайские философские традиции «признают примат действия (praxis) над мыслью (theoria)», а рассматривая человека просто как «мыслителя», мы лишаем его участия в повседневной жизни, потому что акт мышления требует абстрагирования и отстраненности (Jung 2011: 76). Таким образом, антропология повседневности и, точнее, этнография неформальных практик мигрантов позволяют указать на «агентность» (agency) и «способность» (capability) саморазвития студентов (Yu 2021), участвующих в транснациональных экономических сделках.

Вместе с китайскими студентами я участвовал в повседневных процессах адаптации к социальным и климатическим условиям местности. Как в университетских общежитиях Томска и Иркутска, так и в общежитии лесоперерабатывающего предприятия, а также в арендованных квартирах совместное приготовление еды помогло мне понять то, что в других исследованиях повседневности китайских мигрантов было названо «незнакомой пищей» (Каменских 2011: 231). Проблема онтологической и аналитической самоограниченности в методологии или «игры блуждающего любопытства» (Больнов 1999: 161) успешно преодолевалась мною в ходе полевой работы. Активное участие в повседневности китайских студентов через учебу, посещение миграционных учреждений и га-

строномических заведений, а также через совместные попытки заработать открыло возможность познакомиться с занятостью китайцев в сфере лесодобычи. Данные методологические установки, а также осторожность и уважение к биографии информантов благоприятно воздействовали на получение этнографического материала.

Новизна исследования заключается в разработке проблематики неформальных практик трудоустройства китайских студентов в лесной промышленности в Сибири, которая осуществлялась мною путем совместного времяпровождения, а именно: посещение мест их заработка (рестораны и лесозаводы), а также миграционных учреждений и университетских офисов, где я помогал китайским студентам, слабо владеющим русским языком, с переводом. Полученное доверие позволило вступить в неформальный мир их опыта жизни в Сибири. Некоторые студенты работают в сфере лесной промышленности переводчиками и сопровождающими сотрудников из Китая, малознакомых с новой социальной средой и не владеющих русским языком. Намного реже студенты занимают должность бухгалтеров. Так как китайские студенческие сообщества в Томске и Иркутске представляют собой интегрированные внутри себя группы, многие студенты знакомы с китайскими студентами и рабочими, связанными с добычей леса. Они демонстрировали мне свои способы восприятия действительности, создавая собственную герменевтическую картину категорий и объяснений в духе рикеровского множества интерпретаций (Рикер 1995: 8). Возможно, они предоставили нарративный корпус собственных стереотипов и мифов, сочиняя свой автобиографический квазитекст. Методологические свойства этнографического поля показали, что привычный логический формализм не актуален и не может ограничиваться исключительно осознанием (Левинас 1998: 222), так как мнения о себе и о чужих не переносятся в понятный порядок дихотомически противопоставленных вещей. Философ и последователь «герменевтики самого себя» Поль Рикер критиковал инертный саморефлексивный круг идентичности как тождества. По его мнению, качественное в человеческом понятии не сводится к простой диалектической комплементарности в смысле «определенного рода другого», которая является просто результатом сравнения (Ricoeur 1992: 3). Понимание культурного «Я» на этапе превращения действия в квазитекст должно осуществляться через понимание «других» (Рикер 1995: 12), но на самом деле китайские студенты плохо понимают даже «своих». Эти «свои» представляют собой китаезычных, но социально отличающихся личностей: китайских боссов и офисных сотрудников, а также людей, находящихся ниже на иерархической лестнице формального образования, китайских «специалистов» по лесу и в некоторой степени русских рабочих на лесопилках. Через наблюдение опыта и обсуждения среди китайских

студентов лесной промышленности (и самоэксплуатации, и эксплуатации культурно чужих) я предпринял попытку конструирования эпистемологической системы взаимодействия. Эта система охватывает не только взаимодействие человека с природой (в данном случае противоположенные понятия «чужой китаец» – «сибирский лес»), но и взаимодействие между людьми («китайский студент», «китайский бизнесмен» и «русский рабочий») в контексте природы.

Природа и культура, по мнению антрополога Стюарт МакЛин, считаются продуктами бесконечного движения «становления» и «самоидентификации», пересекающего разнообразность природных ландшафтов, агентов и сущностей. Таким образом, культура не просто представляет «посреднический экран» между когнитивными способностями человека и внешним миром природы (McLean 2009: 233). Такое творческое становление является «конститутивной» частью самооценки собственной повседневной историчности, что помогает познавать процессы размытия границ собственного «Я» (китайский студент как рассказчик) и текстуального «Чужого» (сибирский лес).

Мой вход в поле был не простым, поскольку проблема доступа к свидетельствам о неформальности повседневной жизни китайских студентов была затруднена их опасениями, связанными с отсутствием договоров трудовой занятости и конкурентности между разными студентами-переводчиками. Истина в гуманитарных науках скрывается «в заботе о строгости», заставляющей исследователей не сразу доверять некоему оглядывающемуся на себя «Я», которое вовсе лишено самозащиты от иллюзий собственных невротизмов (Левинас 1998: 221). Поэтому реальность непонимания китайскими студентами природопользования в Сибири, их критичность и недоверие к экономической деятельности своих соотечественников вызывают сомнения относительно объективности полевых наблюдений. События межличностных коммуникаций «переживаются в опыте», и из-за этого действительность (то, что определяется как принадлежащее существу самого человека) не может стать единым гармоничным, осмысленным целым (Больнов 1999: 86). Этнолог С.А. Ушакин описал различные способы, с помощью которых этнографы воспринимают реальность во время своих полевых исследований в социальной антропологии. Проблематичность одной из них заключается в отказе от поиска «глубинных» и «объективированных» восприятий действительности, основанных на идеях герменевтического и объясняющего полевого исследования, и антропологического текста (Ушакин 2004: 161).

Проблема данной статьи, в качестве антропологического текста, заключается в том, что материалы, собранные мною в полевых условиях, являются разнообразными и создают любопытный дискурс, но при этом они фрагментарны и вызывают сомнения в своей достоверности. О проблемах такой «мозаичности» и «разнообразия» полевых источников

также говорили исследователи китайских рынков в Иркутске, признавая, однако, что социально-антропологический эмпирический материал помогает преодолеть стереотипы и мифы (Григоричев, Дятлов 2017: 122).

Китайские лесопилки в сибирской тайге

Томская и Иркутская области, не имея прямой географической границы с Китаем, все же привлекают китайских инвесторов. Присутствие китайской экономической активности в Иркутске, особенно на примере этнических рынков, уже хорошо изучено (Григоричев, Дятлов 2017). Разнообразие китайской экономической деятельности, а также развитие крупного китайского предпринимательского сообщества связаны с удачным расположением Иркутска на Транссибирской магистрали. Однако примеры китайской лесопромышленности в данном регионе упоминаются лишь косвенно (Namsaraeva 2018: 46–50; Григоричев 2020: 598). Стоит также обратить внимание на то, что Иркутск является не только научно-образовательным центром с примерно ста тысячами студентов, но также и крупным логистическим узлом, обеспечивающим потоки китайских товаров через границу в Забайкалье на запад (Григоричев, Дятлов 2017: 122).

Томск, географически отдаленный от Китая, представляет собой менее значительный экономический центр по сравнению с Иркутском. Однако важно учитывать то обстоятельство, что в Томске имеются известные за рубежом университеты, в общежитиях которых проживает большое и разнообразное китайское студенческое сообщество. Немало студентов из Китая и других азиатских стран выбирают университеты Томска из-за их относительно высокого рейтинга. По различным оценкам, примерно четверть студентов в Томске – иностранцы. Самую крупную группу студентов из стран дальнего зарубежья составляют студенты из Китая. Согласно оценкам сотрудников университетов и членов томского отделения Ассоциации китайских студентов, их численность превышает тысячу человек. Из шести томских университетов только в Томский государственный университет, по данным Управления международных связей, к 31 октября 2023 г. было зачислено 585 граждан КНР. Что касается экономических интересов Китая в Томской области, они в основном сводятся к лесной промышленности и сбору кедрового ореха.

Изучение проблем занятости китайских студентов в лесной промышленности представляет большую важность в рамках двух исследовательских вопросов.

Во-первых, это изучение адаптации иностранных студентов, которое должно охватывать не только успешность их взаимодействия с новой образовательной системой и социально-культурной средой, но и поиск возможностей для заработка и потенциальной занятости, которая позволит

будущим выпускникам осесть в принимающей стране. Студенты преодолевают экологические, климатические и информационные различия в процессе взаимодействия с новой средой, и этот контакт влияет на выбор карьеры и миграционные тенденции.

Во-вторых, важно рассматривать процессы обмена не только в товарном эквиваленте (лесом и другими природными ресурсами) между Россией и Китаем, но и как обмен знаниями, опытом и кадрами. Это осложняет вопросы межгосударственного экономического партнерства и конкуренции, а также сталкивает различные рабочие практики, обусловленные культурными ценностями. Например, кампания совместной посадки деревьев в Томской области, в которой участвовали китайские инвесторы и русские рабочие (рис. 1), свидетельствует об обмене практиками. Кампания проводилась под лозунгом «Выращивая Сибирь!» – мой перевод из китайского лозунга (植树西伯利 *zhishu xiboli*).

Рис. 1. Лозунг «Выращивая Сибирь!», офисное здание китайского лесоперерабатывающего комплекса, Томская область. Фото автора, декабрь 2022 г.

Это довольно любопытный мотив, экономические деятели из Китая восстанавливают природные ресурсы и отправляют их на продажу в родную страну по низким ценам. Данное фото кампании было сделано в офисном здании крупного лесоперерабатывающего комплекса. В коридоре здания висят портреты государственных лидеров России и Китая, а также представлена модель незавершенного крупного плана комплекса. Планировалось строительство детского сада и школы для детей китайских рабочих. Список вакансий, русскоязычный вестник предприятия и фотографии посетителей, не только местных чиновников, а также учеников местного лесотехникума на информационном стенде свидетельствуют о взаимодействии с местным сообществом. Также работающие переводчиками студенты, с которыми я общался, знакомы, например, с

«почти всеми владельцами местных мясных магазинов, а также шашлычных заведений» (ПМА-2, декабрь 2022 г.). Это объясняется тем обстоятельством, что так как китайским рабочим нечем заняться в свободное время, они летом предпочитают ездить на рыбалку и на дворе общежития жарить шашлыки по-китайски, а зимой сидеть в местных шашлычных заведениях. Офисное здание по предварительной записи могут посещать, например, ученики местного лесотехникума, которые нередко имеют намерение получения практических навыков в данном комплексе.

Традиционно в антропологической литературе обмен природных ресурсов, потребительских товаров и культурных ценностей между Россией и Китаем, а также трудовая и образовательная миграция акцептировались на концептуальном понятии и географической территории «пограничья», «приграничья» или многочисленных «приграничий», поскольку на английском языке принято использовать множественное число *borderlands*. Монографии под редакцией антрополога Кэролайн Хамфри (*Trust and Mistrust...* 2018; *On the edge...* 2021), посвященные темам культурных ценностей и неформальности на примерах экономического взаимодействия российско-китайского пограничья, свидетельствуют о данной тенденции. В русскоязычной литературе говорится о «трансграничных» отношениях (Рыжова 2007, 2009). Рассмотрение конкретной занятости китайских студентов в лесопромышленности в контексте их повседневной жизни на территориях, не являющихся географически «трансграничными» или «пограничными» зонами, представляет собой подход, отличающийся от ранее установленных парадигм изучения китайской трудовой миграции. Прежние концептуальные модели, основанные на географической близости и различных уровнях «приграничности» с Китаем, привели к разработке разнообразного этнографического материала о посредничестве в природопользовании и добыче ресурсов на примере китайской миграции в Республику Бурятия (Шармашкеева 2007; Shaglanova 2011), а также на Дальний Восток (Рыжова 2009). Исследования также охватывают китайскую образовательную миграцию на Дальний Восток (Леонтьева 2018) и в Москву (Калмыков 2009), однако ситуация в других регионах эпистемологически освещается реже. В антропологии повседневности «локации» продолжают занимать центральное место в процессах восприятия дома и преодоления темпоральности мигрантами, однако не менее важны для этнографического рассуждения и межличностные отношения внутри этих локаций (Vossagni 2017: 42). Повседневность и неформальность иностранных студентов – элементы, почти незаметные «беглому взгляду» социологических опросов (Калмыков 2009; Леонтьева 2018).

Общежития и некомпактное расселение китайских мигрантов в приграничном Благовещенске, по мнению социолога Н.П. Рыжовой, не представляют прямую сегрегацию, а указывают на «непересекающиеся

повседневности» мигрантов и местных жителей (Рыжова 2007: 59). В моем исследовании описание в конкретной сибирской локальности еды, общежития и транспорта – повседневных категорий, редко освещаемых в парадигмах о (не)легальности, где первенствует негативный взгляд на китайское экономическое присутствие (Рыжова 2010), – позволяет показать автобиографическую интроспекцию. Традиционно миграционные исследования, приближаясь к демографии, политологии и криминологии, имели предписывающий характер, провозглашающий решение предполагаемой проблемы, и реже пользовались этнографическим инструментарием описательных и интерпретирующих представлений о повседневности (De Genova 2002: 423). Мне неизвестны работы, основанные на полевых исследованиях и посвященные (не)формальности трудоустройства иностранных студентов в России. В существующей литературе акцентируется внимание на нормативно-правовых документах (Шапкина 2021; Рязанцева 2022). Вместо рассмотрения проблем адаптации и организации повседневности и работы студентов и мигрантов из Китая, исследования повседневной жизни китайских мигрантов сосредоточивают внимание, скорее, на антисанитарных условиях и «незнакомой пище» в местах их проживания (Каменских 2011: 231). Поверхностное знакомство с повседневностью вполне ожидаемо порождает абсолютизированные обсуждения незнакомых аспектов жизни.

«Из варяг в китайцы»: взгляды на природопользование

Вопросы использования природных ресурсов в Сибири китайскими предпринимателями – эпистемологически спорная и важная тема. Обращаясь к статье «Из варяг в китайцы» (Кашин 2008), выделим несколько причин, почему Китай проявляет повышенный интерес к российским лесам. Основные из них: близкое расположение сибирских лесов к китайским покупателям и низкие затраты на производство. Данная тема часто поднимается в современных газетах и наравне с «китайскими теплицами» (Григоричев 2017; Авдашкин 2021; Корешкова 2021) является эпистемологическим предметом многих российских исследователей. Н.П. Рыжова изучала проблемы нелегального использования природных ресурсов китайскими предпринимателями на Дальнем Востоке, включая добычу леса (2010). Также экономико-юридический анализ сельского хозяйства китайцев был проведен китаеведом И.Ю. Зуенко (2015). Однако лесопилки упоминаются лишь в контексте экономической деятельности китайской диаспоры, например, в Иркутске (Григоричев 2020: 598). Большинство исследований (и журналистики) основаны на материалах газет и слухах местных жителей, не учитывающих мнения самих китайцев. В англоязычной литературе следует отметить антрополога Са-

яну Намсараеву и ее исследование неформальных и нелегальных практик в строительстве и лесодобыче в Иркутске, Забайкалье и Бурятии. Она подробно исследовала конфликт, произошедший в 2012 г. между местным населением и китайскими работниками лесопильного предприятия в Иркутской области (Namsaraeva 2018: 46–50). Важным критическим анализом проблемы законности в регионе является детализированный доклад китайского экономиста Тянь Яньфана на основе статистических данных и интервью в Северном Китае и Приморском крае. Фотографии складов и мест сбора древесины дополняют статистику в анализе «лесных преступлений» (*forest crimes*), в которые китайские торговцы вовлечены сознательно или несознательно (Tian 2008: 19).

Местные жители не имеют возможности напрямую взаимодействовать с китайскими рабочими на тепличных (и лесопильных) предприятиях, поэтому общественное восприятие определяется газетами и Интернетом (Григоричев 2017: 130). В данных дискурсах представлен лишь негативный взгляд на китайских экономических субъектов. Н.П. Рыжова (2010: 302) отмечает, что экстралегальное лесопользование изучено лучше других видов экстралегального природопользования в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако научные работы, «указывающие на незаконную деятельность как на цель», создают две конфликтующие стороны – потерпевшую и хищницу (Рыжова 2010: 283). Историк В.И. Дятлов, исследователь торговых меньшинств, выделяет существование в российском публичном и академическом дискурсе следующие формы «китайской угрозы»: «экспансия», «эксплуатация» и «криминал» (Дятлов 2010: 451). Несмотря на неоднозначное отношение к присутствию китайцев в российской экономике, необходимо признать фактор временного пребывания мигрантов. Например, в Бурятии существует практика закупки сырья китайскими бизнесменами, что не требует обеспечения себя постоянным жильем, а работа в регионе рассматривается ими лишь как «временный этап жизни» (Иванова 2010: 259). Тезис о китайской миграционной проблеме несущественен, поскольку большинство китайских рабочих, как показали полевые работы в Забайкалье, возвращаются в Китай, не планируя оставаться в России на длительный период (Namsaraeva 2018: 57). Китайские студенты в России называют себя «прохожими» (过客 *guoke*), поскольку у большинства студентов нет планов осесть и развивать в новой стране карьерный путь.

В трудах, посвященных торговле природными ресурсами, признается соучастие русских экономических деятелей в нелегальной лесодобыче китайских акторов (Ryzhova, Ioffe 2009: 358). Китайцы называют древесину, которую местные лесорубы и поставщики продают без лицензии, «черным лесом» (黑木 *hei mu*). Повседневная жизнь и (не)формальность работы китайских рабочих на лесоперерабатывающих заводах остаются

объектом напряженных газетных осуждений и свидетельств из прокуратуры. Например, С. Намсараева пользуется в полевой работе консультацией местных чиновников и жителей для прояснения проблем китайской экономической деятельности. Она также ссылается на собственных друзей, работающих юристами в строительной компании в Улан-Удэ, лично знакомых с ситуацией китайских акторов (Namsaraeva 2018: 49). Однако полевые свидетельства реже собираются у самих местных работников и еще намного реже у китайских инвесторов, переводчиков или обычных сотрудников.

В декабре 2022 г. я сопровождал китайского студента, работавшего на крупном лесоперерабатывающем предприятии в Томской области. Планы на поездку в комплекс были заранее согласованы со студентом (бакалавр, 4-й курс), который регулярно ездил на работу на несколько дней. Мне удалось установить доверительные отношения со студентом благодаря продолжительному общению в стенах университета и общежития в Томске. Ввиду гибридного учебного режима, вызванного пандемией, он мог проводить целые недели на территории комплекса либо поддерживать во время занятий в университете связь по телефону с китайским менеджером и главным бухгалтером, а также с русскими сотрудниками и поставщиками.

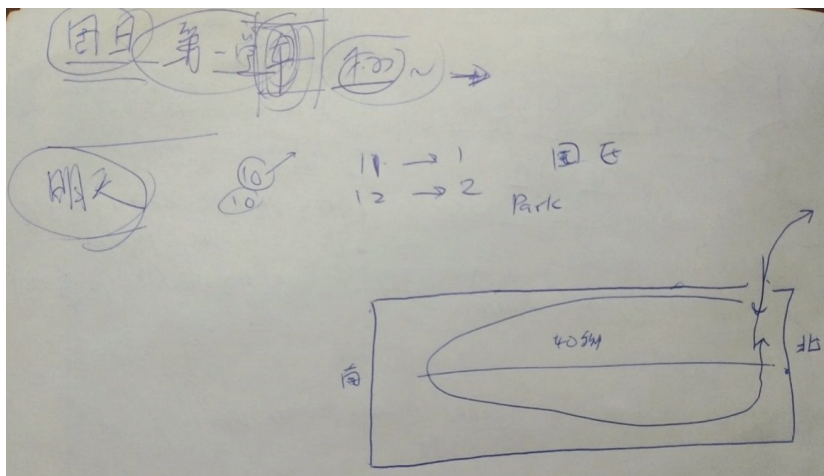

Рис. 2. План китайского лесоперерабатывающего комплекса в Томской области.

Рисунок информанта. г. Томск, декабрь 2022 г.

На рис. 2 изображен план территории комплекса, нарисованный студентом во время подготовки к совместной поездке. Он объяснял мне, как найти главный вход в строение, где находятся офисы и столовая, на каком автобусе можно добраться до поселения. Территория комплекса большая – от севера до юга, по оценке студента, ее можно преодолеть за

40 минут ходьбы. Он пояснил, что столовая на 200 человек сейчас из-за коронавирусных ограничений работает только на вынос. *«Повар из Китая очень общительный, ему скучно здесь. Я часто с ним разговариваю»* (ПМА-2, декабрь 2022 г.). Несколько лет ранее, в 2019 г. появился репортаж *«Чем дальше в лес. Чей топор стучит в сибирской тайге, страшны ли китайцы и что от нашего леса получаем мы»* с фотографиями данного комплекса. *«Чем дальше в лес...»* отличается от обычных интернет-новостей о китайской угрозе и свидетельствует о детализированном публичном и медийном дискурсе, однако почти без «голоса» китайцев, так как единственным прямым собеседником был китайский переводчик во время беседы с генеральным директором. Во время поездки в декабре 2022 г. я вместе со студентом попробовал еду из китайской столовой внутри комплекса (рис. 3), побывал в офисных зданиях и заночевал в общежитии (рис. 4).

Рис. 3. Столовая китайского лесозавода, Томская область. Фото автора, декабрь 2022 г.

Это те места, которые группа журналистов либо не смогла, либо не захотела посетить. Китайцы в *«Чем дальше в лес...»* появляются в кадре безмолвно. В качестве активных нарраторов выступают местные активисты, поделившиеся негативными мнениями, связанными с лесной промышленностью. Местные жители разочарованы, что обещанная китайскими инвесторами инфраструктура не была построена. О жалобах на

недостроенность дорожной инфраструктуры, о которой должны были позаботиться китайцы, свидетельствуют также местные новости (Власти: заводы асиновского ЛПК... 2021; Власти: Асиновский ЛПК за 12 лет... 2023). Подобно рикеровской «герменевтике самого себя», не сводящейся к простой диалектической комплементарности в смысле результата сравнения через другого (Ricoeur 1992: 3), мыслитель Эмануэль Левинас, чьей важной темой философии выступает этика, следующим образом описывает момент, когда Другой тематизирует и одновременно навязывает Я ответственность, снимая с него плащ невинности и одевая покрывало молчания:

Оно вынуждено молчать и все же отвечает – из того, что до логоса; в его голосе словно есть регистр низких и высоких тонов за пределами низкого и высокого. Это несклоняемый субъект – как раз в своем качестве незаменимого заложника других, предшествующий двусмысленности бытия и сущего и условиям бытия природы (Левинас 1998: 206).

Рис. 4. Общежитие китайских рабочих за пределами лесозавода, Томская область.
Фото автора, декабрь 2022 г.

Ранее снятые документальные фильмы и репортажи, посвященные вопросам использования природных ресурсов китайцами и возмущению местных жителей в других частях России, демонстрируют сходные темы. Левинас (1998: 205) обращает внимание на то, что «Я» может быть

представлено как «Другое» в чрезвычайной мере: не просто как препятствие, которое можно измерить, а как неуклонное обвинение, заставляющее «Я» нести ответственность. Например, в 31-минутном документальном фильме, о котором знают некоторые китайские студенты, с которыми я общался, рассматривается нарратив китайской экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке (Китайцы захватывают русскую деревню... 2019). В данном документальном фильме о китайских сельскохозяйственных предпринимателях на Дальнем Востоке журналистам удалось пообщаться лишь с одним китайским фермером – и все это происходило комическим и театральным образом через Google Переводчик. В таком транскультурном контексте создатели дискурса привязывают вину лингвистически, культурно и социально чужим китайцам. Репортажное изображение китайского эмпирического «Я» конструируется на вине его собственного опыта. Однако китаец неравномерно участвует в творческом дискурсивном процессе создания картины о вине, так как его «Я не принимало о ней решения, но и не может от нее уклониться...» (Левинас 1998: 205).

Студент, хорошо знакомый с ситуацией в данном городском поселении, говорил, что: *«в центре города полно деревянных домов»* (ПМА-1, май 2022 г.). Для местных молодых людей, городок, однако, имеет преимущества, так как: *«если хочешь сэкономить, то это место очень подходит тебе. Стоимость жизни небольшая, менее 500 рублей на день хватает. Но если у тебя более высокие стремления, это место не предоставит никаких возможностей. Молодые хотят приезжать в большие города, такие как Томск, потому что большие города дают возможности, можно встретить людей лучше тебя»* (ПМА-1, май 2022 г.). *«После того, как появилась наша компания, жители начали ездить на машинах на работу»*. Также, по мнению студента, они *«уже сейчас могут позволить себе смартфон»*, а еще 4 года назад – *«даже кнопочный “Нокиа” был не у каждого»* (ПМА-1, май 2022 г.).

Работа «в горах»

Как и в случае с длительной трудовой миграцией, образовательная миграция в другие страны воспринимается в Китае как временное перемещение за границу с целью практического повышения квалификации и получения трансграничного опыта. Китайские студенты в России описывают себя как «прохожих». Немногие студенты заинтересованы в том, чтобы построить карьеру в новой стране. Согласно экзистенциальной философии, будущее уже присутствует в каждом планируемом, переживаемом и ожидаемом моменте настоящего времени (Больнов 1999: 140). В процессе обучения поведение многих китайских студентов, чей глав-

ный фокус направлен на скорый возврат на родину или поиск возможности в третьей стране, указывает на то, что будущее, которое уже «заложено» в эмпирическом настоящем, не должно реализовываться в чужой социальной и климатической среде, которую они переживают в настоящее время. Если действия, опосредованные межличностными практиками и ценностями, первоначально формируются внутренними интерпретациями (Рикер 1995: 12), то для китайских студентов их ситуация в чужой стране интерпретируется через отношения, адаптацию и приспособление к новой социальной обстановке. Восприятие китайскими студентами собственного положения имеет свой контекст, поскольку Россия не является первым и самым популярным выбором в рынке транснационального образования в Китае. Среди прибывших китайских студентов и выпускников лицеев распространено мнение, что Россия – доступная альтернатива для тех, кто не смог поступить в высокорейтинговый университет в Китае, и как альтернатива популярным на китайском рынке высшего образования университетам в англоязычных странах.

Китайские студенты в России не рассматривают занятость в лесопромышленности как будущую профессию, даже если предусматривается офисная работа в городе, а не поездки за лесом в глубокую тайгу. Считается, что проживание за городом некомфортное, зарплаты не удовлетворяющие, а сама работа «в горах» сложная. На китайском языке фраза «в горах» (山里 *shan li*) обозначает местонахождение кого-нибудь или чего-нибудь «на огромной глубине», «далеко от городских пространств». В данном случае это синоним неблагоприятных условий работы и проживания. На рис. 4 показаны условия для китайских сотрудников. Общежитие расположено за пределами небольшого городского поселения, в 20 минутах езды на машине от нового лесоперерабатывающего комплекса. Одноместные и двухместные комнаты находятся на втором этаже двухэтажного советского здания, изначально использовавшегося в качестве офиса для китайской компании до открытия более крупного комплекса, столовой и лесопилки со складами. Туалет и кухня находятся также на втором этаже, но душ расположен на первом, а лестница объединяет два этажа лишь снаружи.

Это, вероятно, одна из причин, по которой китайский студент, обсуждая со мной и с таксистом вопросы лесодобычи, не намеревался заниматься этим бизнесом, несмотря на любовь к сибирской природе, отсутствие страха перед общением с местными и умение адаптироваться к неформальным практикам в межкультурной и трансграничной среде. Нежелание принимать подобные предложения свойственно не только китайским студентам. Как только российские студенты узнают о местонахождении рабочего места для языкового переводчика с китайского, они тут же отказываются работать с китайскими покупателями древесины.

И это происходит в то время, когда любая работа является привлекательной для местных выпускников вузов, особенно предоставляющая возможность накопления опыта и знакомства с китайскими работодателями. По мнению студента, с которым мне удалось пообщаться во время посещения лесоперерабатывающего завода, местные студенты и выпускники лесотехникумов не желают работать «в горах». Он объясняет это тем, что *«многие российские студенты не из города. В детстве они, вероятно, проживали в деревнях, но уехали оттуда, поступив в университет. Думаю, поэтому они и не хотят туда возвращаться»* (ПМА-1, май 2022 г.).

Данный вид занятости не предоставляет больших возможностей карьерного роста и получения новых профессиональных навыков, полезных для трудоустройства китайских выпускников после возвращения на родину. Непопулярность заработка в лесопромышленности общеизвестна в китайской студенческой среде Томска и Иркутска. Такие мнения распространяются китайскими студентами, которые сами не работали в лесопромышленности, но знакомы с занятыми на «лесных заводах» (木材厂 *musai chang*) китайскими друзьями, с которыми они познакомились в университетском общежитии или через общих знакомых. Как студенты, так и взрослые рабочие из Китая не всегда обладают навыками русского языка: *«Даже если не говоришь по-русски, можешь открыть здесь лесной завод (musai chang). У меня так отец подруги и занимается лесом»* (ПМА-1, сентябрь 2022 г.).

Студенты из Китая, занятые работой переводчиками на заводах, высказывают следующие мнения о своих китайских коллегах: *«В компании мы все китайцы. Правда, многие из рабочих не говорят по-русски. Они, например, знают, какие запчасти им нужны и хотят их купить, но не знают, как они называются. Поэтому я всегда и сопровождаю их»* (ПМА-1, февраль 2023 г.).

Это отзыв одной из аспиранток, которая работает переводчиком и бухгалтером для китайского покупателя леса. Офис компании расположен в самом Томске, что позволяет ей иметь гибкий график работы. По сравнению с двухчасовыми поездками на автобусе или такси до лесоперерабатывающих заводов за городом, это более выгодная и комфортная возможность заработка.

На территории загородных заводов также есть офис, директор и бухгалтер. Большие комплексы оборудованы общежитием и столовой. Часто студенты-переводчики и иногда бухгалтеры по разным причинам должны лично присутствовать на заводах, далеко расположенных от города. Несмотря на то, что аспирантка случайно оказалась в этой отрасли, она часто использует местоимение «мы», когда хочет обозначить коллег, с которыми работает. Однако она использует «они», когда речь заходит о их языковых навыках и взаимодействии с русскоязычной средой,

например, о покупках в специализированных магазинах и о повседневных поездках за продуктами.

Рабочие из Китая, которые не знают русский язык, проживают в общежитии недалеко от города. Китайская компания «позаботилась» о том, чтобы приглашенные из Китая офисные сотрудники и специалисты по лесу никоим образом не взаимодействовали с местными жителями. Наша аспирантка приводит следующую причину: *«Они не понимают по-русски и не разбираются в правилах. Компания предоставляет им общежитие, чтобы избежать неприятностей, и не позволяет им снимать жилье самим»* (ПМА-1, февраль 2023 г.).

Аспирантка сравнивала адаптацию на примере китайских студентов и китайских рабочих в лесопромышленности, давно закончивших университеты, техникумы или не имеющих высшего образования. Она привела примеры помощи в вопросах социальной адаптации к повседневности со стороны официальных сотрудников студенческого общежития. Важен был вопрос наличия в общежитии документов и объявлений на китайском языке, а также неформальный обмен информации внутри китайского студенческого сообщества. Критический взгляд основан на опыте взаимодействия с русскоязычным социальным окружением. Ниже цитируется квазитекст, осуществляемый через личное знакомство и частичное понимание «Других» (Рикер 1995: 12).

«На самом деле рабочие очень одиноки, тогда как студентам живется легче. В университетском общежитии найдутся товарищи, способные помочь. Документы также доступны на китайском языке. Китайские студенты однозначно ни в чем не испытывают недостатка. Даже если совсем ничего по-русски не понимаешь, можно спросить в группе WeChat. У кого есть время, чтобы помочь пойти по делам вместе, – откликнется. Тогда скажешь “давай”, договоритесь и поедете вместе» (ПМА-1, февраль 2023 г.).

Коллективная китаезычная поддержка внутри студенчества в Томске благоприятно влияет на процессы решения бытовых и бюрократических вопросов, с которыми встречаются студенты. А рабочие, находясь в социальной изоляции, зависят от спонтанной помощи земляков.

У китайских студентов наблюдается ощущение социальной разницы и самоотчуждения от китайских сотрудников. Студенты, которые стремятся продолжить свое высшее образование и полностью погружаются в новую среду, относятся с нескрываемой надменностью к новоприбывшим китайским сотрудникам, не говорящим на русском языке, плохо ориентирующимся в местных законах и не умеющим эффективно общаться с местными рабочими.

В 2021 г. на одном из лесоперерабатывающих заводов в Томской области произошел конфликт между китайскими работодателями, новым

китайским бухгалтером и русскими сотрудниками. В отличие от предыдущих инцидентов, например, в Иркутской области, о которых писала Намсараева (2018: 46–50), этот спор из-за снижения зарплаты не привлек большого внимания СМИ, так как происшествие ограничилось территорией завода. В рамках профессионального и межкультурного общения китайские инвесторы занимают ведущую позицию в иерархии трудовых отношений, выступая в качестве работодателей. Ранее были замечены схожие связи между китайскими работниками и российскими работодателями (Рыжова 2009), в данном случае на первый план выходили интенсивные и сложные взаимоотношения русских рабочих со своими китайскими работодателями.

При описании различий между русскими и китайскими сотрудниками отмечается, что китайцы готовы работать сверхурочно, чтобы увеличить свой доход. Именно поэтому они рассматриваются китайскими компаниями как более экономичные и эффективные сотрудники (Tian 2008: 23). Русские работники не пользуются популярностью у китайских работодателей из-за требований о дополнительных выплатах по пенсионным программам, отпускам, больничным и даже двойной оплате за работу сверхурочно (Namsaraeva 2018: 48). Благодаря хорошо организованной системе распределения труда внутри китайских лесозаготовительных бригад и проблемам, связанным с алкогольной зависимостью у русских работников, китайские компании на Дальнем Востоке предпочитают нанимать китайских специалистов для выбора леса, а также обычных лесорубов и водителей погрузчиков (Tian 2008: 23–24). Китайцы готовы работать ночью, без выходных, без «неожиданных продолжительных отпусков, вызванных похмельем» и спонтанных летних «перерывов на стрижку сена и сбор ягод» (Namsaraeva 2018: 48).

Однако мое исследование показало сложнейшее измерение дихотомии «китайский работодатель» – «русский работник». О необходимости нанимать надежных русских сотрудников, а конкретно юристов и логистов, свидетельствовали не только студенты в Иркутске и Томске, но и китайский менеджер с многолетним опытом работы. Управляющая одного из крупных лесоперерабатывающих заводов в Томской области жаловалась, что китайцы не понимают базовое бухгалтерское и юридическое дело, т.е. *«как заключать договоры с сотрудниками, как выплачивать пенсии, что делать если случится недоразумение»* (ПМА-2, декабрь 2022 г.). Выпускник из Иркутска, эпизодически подрабатывающий переводчиком для китайских покупателей леса в Иркутской области, рассказал мне, что российские логисты и дальнбойщики нужны китайцам ввиду большей осведомленности о законах и требованиях российской стороны, включая правила пользования железнодорожным транспортом, от которого зависит экспорт леса в Китай:

Мы знаем об этом очень мало, почти ничего. Для китайцев главное, что они получают лес, а вот как работают железные дороги – это они понимают сложно. На перевозки у них есть квота, но на какое количество – им самим неизвестно (ПМА-3, июль 2023 г.)

Отчасти китайские студенты, случайно устроившиеся на работу на лесопильные заводы, становятся посредниками между местными русскими рабочими и назначенными китайской стороной менеджерами и бухгалтерами. Студенты выступают в качестве медиаторов в урегулировании конфликтов и посредником между людьми разного культурного происхождения. Иногда они занимают пост бухгалтера, требующего от них профессиональных навыков.

Часть интервью, записанного в ноябре 2022 г., демонстрирует, как широкий спектр обязанностей может выполнять молодой студент, который работает на лесоперерабатывающем заводе. Студент не только отлично владеет русским языком, но и обладает практическими навыками, позволяющими ему руководить русскими работниками и выполнять переводческие задачи: *«В начале пандемии китайцы вернулись домой, а я остался и начал там работать. В мае – июне этого года я начал выполнять всю работу. Теперь русские работники находились непосредственно под моим руководством»* (ПМА-1, ноябрь 2022 г.).

Встречи студентов-переводчиков с местными жителями, работниками производств и поставщиками позволяют получить навыки практического общения и взаимодействия с русскоязычной средой. Однако, отучившись в России, студенты часто не используют накопленный опыт для легальной работы в данной сфере. Они продолжают ограничиваться неформальной работой, например, в качестве незарегистрированного переводчика или посредника в неблагоприятных условиях лесной промышленности.

Работая переводчиками для китайских бизнесменов и компаний, китайские студенты зарабатывают деньги для временного проживания, расширяя круг социальных связей внутри китайского сообщества в сибирских городах, что помогает им в других экономических сферах, включая перевод и обмен денег, передачу посылок между двумя странами.

Например, на крупном лесоперерабатывающем заводе в Томске около 20 китайских сотрудников всегда готовы поменять рубли на юани и наоборот без комиссий. Это позволяет китайским студентам выгодно обменивать валюту и обеспечивать финансовые потребности своих семей в Китае. Сотрудники-переводчики получают юани от студентов и предоставляют им рубли, которые им необходимы в России.

Информация о работе передается через личные контакты между уже занятыми в данной сфере студентами и потенциальными переводчиками, нуждающимися в подработке. Такая неформальная практика не

всегда связана с китайским «товариществом». Все дело в том, что учебная виза в России не позволяет официально трудоустроиться, поэтому иностранные студенты и аспиранты заключают устные договоры с работодателями за пределами университета. Часто происходит задержка, а иногда и невыплата зарплат, были случаи депортации из-за нарушения миграционных правил.

Так, несмотря на полный рабочий график, аспирант, работающий уже 7 лет переводчиком для разных китайских покупателей леса в Иркутске, никогда не подписывал официального договора о трудовом найме. Он организует поездки китайских заказчиков для осмотра леса Иркутской области, бронирует гостиницы и иногда водит машину. *«Куда бы ни пошел начальник, я пойду с ним»* (ПМА-3, июль 2023 г.). Официальным посредником между китайской стороной и местными лесозаготовителями-поставщиками он не является, так как не хочет специализироваться в лесном бизнесе. Аспирант считает себя лишь переводчиком с «дополнительными обязанностями», возникающими в силу самых разных ситуаций. Важно подчеркнуть, что аспирант не имеет полномочия принимать решения и заключать договоры вместо покупателя.

Отсутствие китайских инвестиций в перерабатывающие отрасли, в том числе в глубокую переработку древесины, замечается в трудах по экономическому сотрудничеству (Яковлева 2016). Товарообмен основан на принципе *«наше сырье – ваши технологии»*, считает директор Центра стратегических исследований Китая (Каширская 2013: 73). Дорожная инфраструктура и техническое оборудование лесопилок остаются на базовом уровне, о чем свидетельствуют газеты (Власти: заводы асиновского ЛПК... 2021; Власти: Асиновский ЛПК за 12 лет... 2023). Одновременно с временностью и непостоянством пребывания в России, китайские мигранты, включая студентов, владеющие русским языком и навыками общения с русскими поставщиками, рабочими, стремительно и организованно «рубят» лес. Кажется, что в лесном бизнесе выгода идет в пользу китайского, а не российского благосостояния. В сельских поселениях все же не настолько однозначно, поскольку китайские инвестиции действительно создают рабочие места для местных. В одном районе Томской области, меньше часа поездки на машине из города Томска, находится несколько китайских предприятий. Китайские студенты постоянно едут между селом и городом, и нередко в студенческих группах китайского приложения WeChat вовлечены в данную сферу студенты вербуют новых переводчиков. Сотрудник краеведческого музея этого района объяснил мне, что *«для китайцев это хорошо, для нас... пойдет. Но важно, что есть такая деятельность, потому что раньше мы здесь всегда занимались деревообработкой. И были со стороны администрации планы, чтобы посадить лес. Но китайцы сейчас здесь, есть работа для местного населения»* (ПМА-4, октябрь 2022 г.)

Но не все так просто. Современные китайские компании, занимающиеся добычей древесины, вынуждены адаптироваться к изменяющимся условиям на российском рынке. С точки зрения официального законодательства, они должны удовлетворять требованиям российского трудового кодекса и обрабатывать древесину перед ее отправкой в Китай. Эти изменения уже влияют на экономику данных регионов, требуя новых стратегий для удовлетворения спроса на китайском рынке. Китайские студенты, знакомые с ситуацией, замечают, что сейчас разрешены только «квадраты» (переработанный в доски лес. – С.Е.). *«Теперь обязательны русские рабочие и технологии, пусть даже самые базовые, а из-за этого прибыль становится меньше»* (ПМА-3, июль 2023 г.). Как говорят многие студенты, обучающиеся в Иркутске, с которыми я беседовал, *«китайцы уходят из Иркутска»*. Студенты также добавляют, что не везде все настолько плохо. В Томске, как они полагают, еще есть потенциал, так как добыча леса там не ограничивается так строго, как в Иркутске.

Заключение

Предпринятую в статье попытку прояснить проблему неформальной занятости иностранных студентов в области природопользования я хочу завершить рефлексией о трудностях заработка и повседневности иностранных студентов. В соответствии с нормативами, работа иностранных студентов за пределами российского университета до конца 2020 г. была почти запрещенной. Легализация трудоустройства и увеличение возможностей практики во время обучения обсуждались на XI Всероссийском съезде иностранных студентов России в сентябре 2023 г., в котором я принимал участие. По моему опыту, учебная виза и сегодня не облегчает официальное трудоустройство. Университеты слабо оснащены системами поиска практик для иностранных студентов, а проекты создания ассоциаций выпускников только начинают развиваться.

Китайским студентам в данной обстановке легче, так как китайское экономическое присутствие в Сибири постоянно требует человеческого капитала. Студентам выгодно работать в своей языковой среде, минимизируя контакт с русскоязычными акторами, а инвесторам – иметь доступ к дешевой рабочей силе. В то же время китайские студенты сталкиваются с ограничениями в возможности погружения в российскую культуру, а передача полученных знаний на родину затрудняется из-за различий в практиках добычи, переработки и продажи лесопромышленной продукции. Тем не менее опыт студентов, зарабатывающих на китайских лесоперерабатывающих предприятиях, продемонстрировал их умение не только экономически обеспечить себя, но и организовать повседнев-

ность, совмещающая учебу, досуг и работу. Неформальный обмен денег, покупки и заказ продуктов, знакомая еда в общепитах и столовых позволяют студентам установить комфортные условия временного проживания на чужбине. Временность и самоидентификация китайских студентов в России как «прохожих» – важные онтологические сюжеты. Вышеназванные повседневные категории позволяют не только осмыслить нарратив «свой–чужой», но и описать опыт китайских студентов с противоположными экзистенциалистскими измерениями на чужбине, включая непривычную еду, скромное жилье и одновременно достаточно высокую зарплату, хотя без перспектив на социальную мобильность в будущем.

Данные жизненные стратегии, даже если они характеризуются временностью, указывают на примат агентности иностранных студентов в создании благоприятных для себя академических, развлекательных и трудовых условий. Проведенный мною анализ показал, что студенческий обмен между Россией и Китаем эпистемологически значим не только из-за вовлечения иностранных студентов в дискурс о природных ресурсах, но и из-за обмена практических знаний, особенно в контексте интернационализации высшего образования.

Список источников

- Авдасикин А.А. «Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 179–187.
- Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма / пер. С.Э. Никулина. СПб.: Лань, 1999.
- Власти: Асиновский ЛПК за 12 лет построен на 30% от запланированного // riatomsk.ru. 27.11.2023. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20231127/68412/> (дата обращения: 27.04.2024).
- Власти: заводы асиновского ЛПК несколько лет не могут вывести на полную мощность // vtomske.ru. 21.01.2021. URL: <https://news.vtomske.ru/news/181869-vlasti-zavody-asinovskogo-lpk-neskolko-let-ne-mogut-vyvesti-na-polnuyu-moshchnost> (дата обращения: 04.10.2023).
- Григоричев К.В. «Полугородские фермеры» и «китайцы-огородники»: постколхозная рента в неформальной экономике пригорода // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 119–137.
- Григоричев К.В. «Неправильные» китайцы и «захваченный» город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 4. С. 593–608.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–132.
- Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 451–484.
- Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 51–59.

- Иванова Н.Ж. Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в 2000-е (на примере Республики Бурятия) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 252–262.
- Калмыков П.Н. Китайская учащаяся молодежь Москвы. Ресурс миграционного притока или российские контрагенты в Китае? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 2. С. 234–250.
- Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011.
- Кашин С. Из варяг в китайцы // Коммерсант. 08.09.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1020709> (дата обращения: 10.10.2023).
- Каширская А.В. Проблема миграции в приграничном сотрудничестве России и Китая // Управленческое консультирование. 2013. № 4 (52). С. 69–74.
- Китайцы захватывают русскую деревню? Мы поехали и узнали // BBC News – Русская служба. 21.10.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8magQAEAK5g> (дата обращения: 28.09.2023).
- Корешкова Ю.О. Китайские теплицы: эхо советского прошлого (сибирские кейсы) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 145–162.
- Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
- Леонтьева Э.О. Социально-исторические факторы китайской образовательной миграции в Россию // Регионалистика. 2018. Т. 5, № 4. С. 35–40.
- ПМА-1 – Полевые материалы автора, г. Томск, 2022–2023 гг.
- ПМА-2 – Полевые материалы автора, г. Асино, Томская область, декабрь 2022 г.
- ПМА-3 – Полевые материалы автора, г. Иркутск, июль 2023 г.
- ПМА-4 – Полевые материалы автора, Шегарский район, Томская область, октябрь 2022 г.
- Рикер П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью / пер. О.И. Мачульской. М.: КАМІ, 1995.
- Рыжова Н.П. Взаимная экономическая адаптация китайских рабочих и их российских работодателей в трансграничном городе // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Оттиск, 2009. С. 25–36.
- Рыжова Н.П. Природные ресурсы российского Дальнего Востока: институциональные изменения и экстралегальные практики // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 282–312.
- Рыжова Н.П. Организация пространства трансграничных городов // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / ред. В.И. Дятлов, И.Т. Абдулова, М.Н. Ковальская, А.Ю. Охотников, Ю.Н. Пинигина, Н.П. Рыжова. Иркутск: Наталис, 2007. С. 48–67.
- Рязанцева И.В. Трудоустройство иностранных студентов и выпускников на российском рынке труда как элемент восполнения трудовых ресурсов страны // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 1. С. 55–68.
- Ушакин С.А. Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 160–172.
- Чем дальше в лес. Чей топор стучит в сибирской тайге, страшны ли китайцы и что от нашего леса получаем мы // ТВ2. 01.12.2019. URL: <http://tv2.tomsk.tilda.ws/lesikitai> (дата обращения: 04.03.2024).
- Шаткина Е.А. Правовая помощь и риски при трудоустройстве иностранных молодых специалистов в России // Миграционное право. 2021. № 4. С. 15–19.
- Шармашкеева Н.Ж. Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2007.

- Яковлева К.А. Социально-экономическая эффективность лесопользования в приграничных регионах России // Вестник ЗабГУ. Экономические науки. 2016. Т. 22, № 11. С. 151–160.
- Boccagni P. Migration and the Search for Home: Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
- De Genova N.P. Migrant 'Illegality' and Deportability in Everyday Life // Annual Review of Anthropology. 2002. Vol. 31. P. 419–47.
- Jung H.Y. Transversal Rationality and Intercultural Texts: Essays in Phenomenology and Comparative Philosophy. Athens, Ohio: Ohio University Press, 2011.
- McLean S. Stories and Cosmogonies: Imagining Creativity Beyond 'Nature' and 'Culture' // Cultural Anthropology. 2009. Vol. 24. P. 213–245.
- Namsaraeva S. Déjàvu of Distrust in the Sino-Russian Borderlands // Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderland / ed. by C. Humphrey. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 37–64.
- On the edge: Life Along the Russia-China Border / ed. by F. Billé & C. Humphrey. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021.
- Ricoeur P. Oneself as Another / transl. by Kathleen Blamey. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // Eurasian Geography and Economics. 2009. Vol. 50, No. 3. P. 348–364.
- Shaglanova O.A. Chinese Labour Migration in the Context of a Buryat Village // Inner Asia. 2011. Vol. 13. P. 297–313.
- Tian Y. China's Imports of Russian Timber: Chinese Actors in the Timber Commodity Chain and the Risks of Involvement in Illegal Logging and the Resultant Trade. Hayama: Institute for Global Environmental Strategies, 2008.
- Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.
- Yu J. Caught in the Middle? Chinese International Students' Self-formation amid Politics and Pandemic // International Journal of Chinese Education. 2021. Vol. 10, No. 3. P. 1–15.

References

- «Chem dal'she v les. Chei topor stuchit v sibirskoi taige, strashnyi li kitaitsyi i chto ot nashego lesa poluchaem myi» [Deeper into the forest. Whose axe sounds across the Siberian tayga, are the Chinese frightening and what do we get from our timber], *TV2*. 12.2019. Available at: <http://tv2.tomsk.tilda.ws/lesikitai> (date accessed 04.03.2024).
- «Kitaitsyi zahvatyivaiut russkuiu derevniu? Myi poehali i uznali» [Are the Chinese taking over the Russian village? We went and found out], *BBC News - Russkaia sluzhba*. 21.10.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=8magQAEAK5g> (date accessed 28.09.2023).
- «Vlasti: Asinovskii LPK za 12 let postroen na 30% ot zaplanirovannogo» [Authorities: 30% of the planned was built in 12 years at the Asino LPK], *riatomsk.ru*. 27.11.2023. Available at: <https://www.riatomsk.ru/article/20231127/68412/> (date accessed: 27.04.2024)
- «Vlasti: zavody asinovskogo LPK neskol'ko let ne mogut vyvesti na polnuiu moschnost'» [Authorities: sawmills of the Asino LPK cannot reach full capacity for several years], *vtomske.ru*. 21.01.2021. Available at: <https://news.vtomske.ru/news/181869-vlasti-zavody-asinovskogo-lpk-neskolko-let-ne-mogut-vyvesti-na-polnuyu-moshchnost> (date accessed 04.10.2023).
- Avdashkin A.A. (2021) «Kитайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) [“Chinese” greenhouses in Russian rural spaces (case of Chelyabinsk Region)], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (52), pp. 179–187.

- Boccagni P. (2017) *Migration and the Search for Home: Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bollnow O.F. (1999) *Filosofia ekzistentsializma* [Existenzphilosophie], trans. S.E. Nikulin. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Lan».
- De Genova N.P. (2002) Migrant 'Illegality' and Deportability in Everyday Life, *Annual Review of Anthropology*, Vol. 31, pp. 419–447.
- Diatlov V.I. (2010) Transgranichnyie migranty v sovremennoi Rossii: dinamika formirovaniia stereotipov [Transborder migrants in contemporary Russia: dynamics of the formation of stereotypes]. In: *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk, pp. 451–484.
- Grigoriev K.V. (2017) «Polugorodskie fermeryi» i «kitaitsyi-ogorodniki»: postkolkhoznaia renta v neformal'noi ekonomike prigoroda [“Semi-urban farmers” and “Chinese gardeners”: Post-kolkhoz rent in suburban informal economy], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 119–137.
- Grigoriev K.V. (2020) «Nepравil'nyie» kitaitsyi i «zahvachennyi» gorod: osparivanie gorodskogo prostranstva kak vyirabotka praktik vzaimodeistvia s drugim [The “wrong” type of Chinese and the “captured” city: Contesting of urban spaces and constructing practices of interacting with the “other”], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, no. 4, pp. 593–608.
- Grigoriev K.V., Diatlov V.I. (2017) «Kitaiskie» rynki Rossii: rol' v postsotsialisticheskoi transformatsii (sluchai Irkutsk) [“Chinese markets” of Russia: the Role in post-sustainable transformation (a case of Irkutsk)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 419, pp. 121–132.
- Ivanova N.Zh. (2010) Neformal'naia ekonomicheskaia deiatel'nost' kitaiskikh migrantov v 2000-e (na primere Respubliki Buriatia) [Informal economic activity of Chinese migrants in the 2000s (the case of the Republic of Buryatia)]. In: *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk. pp. 252–262.
- Jung, H.Y. (2011) *Transversal Rationality and Intercultural Texts: Essays in Phenomenology and Comparative Philosophy*. Athens, Ohio: Ohio University Press.
- Kalmykov P.N. (2009) Kitaiskaia uchashchaisia molodezh' Moskvii. Resurs migratsionnogo pritoka ili rossiskie kontragenty v Kitae? [Chinese students in Moscow. Resource of migration inflow or Russian counterparties in China?], *Vestnik RGGU. Serii «Filosofia. Sotsiologiia. Iskustvovedenie»*, no. 2, pp. 234–250.
- Kamenskikh M.S. (2011) *Kitaitsyi na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI v.* [Chinese in the Middle Urals at the end of the XIX – beginning of the XXI century]. Sankt-Peterburg: Mamatov.
- Kashin, S. Iz variag v kitaitsyi [From the Varangians to the Chinese], *Kommersant*. 08.09.2008. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1020709> (date accessed 10.10.2023).
- Kashirskaia A.V. (2013) Problema migratsii v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaia [Migration Problem in Border Cooperation of Russia and China], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4 (52), pp. 69–74.
- Koreshkova Iu. (2021) Kitaiskie teplitsy: ekho sovetskogo proshlogo (sibirskie keisyi) [Chinese greenhouses: An Echo of the Soviet Past (Siberian Cases)], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 145–162.
- Leontieva E.O. (2018) Sotsial'no-istoricheskie faktory kitaiskoi obrazovatel'noi migratsii v Rossiiu [Socio-Historical Factors of Chinese Educational Migration to Russia], *Regionalistika*, vol. 5, no. 4, pp. 35–40.

- Lévinas E. (1998) *Vremia i drugoi. Gumanizm drugovo cheloveka* [Le temps et l'autre. Humanisme de l'autre homme], trans. A.V. Paribko. Sankt-Peterburg: Vysshiaia religiozno-filosofskaia shkola.
- McLean S. (2009) Stories and Cosmogonies: Imagining Creativity Beyond 'Nature' and 'Culture', *Cultural Anthropology*, vol. 24, pp. 213–245.
- Namsaraeva S. (2018) Déjàvu of Distrust in the Sino-Russian Borderlands. In: *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderland*. Ed. by C. Humphrey, Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 37–64.
- On the edge: Life Along the Russia-China Border*. Ed. by F. Billé & C. Humphrey, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021.
- PMA-1 – Polevy materialyi avtora, g. Tomsk, 2022–2023 gg. [AFM-1 – Author's fieldwork material, Tomsk city, 2022–2023].
- PMA-2 – Polevy materialyi avtora, g. Asino, Tomskaia oblast', dekabr' 2022 g. [AFM-2 – Author's fieldwork material, Asino city, Tomsk region, December 2022].
- PMA-3 – Polevy materialyi avtora, g. Irkutsk, iul' 2023 g. [AFM-3 – Author's fieldwork material, Irkutsk city, July 2023].
- PMA-4 – Polevy materialyi avtora, Shegarskii raion, Tomskaia oblast', oktiabr' 2022 g. [AFM-4 – Author's fieldwork material, Shegarskii district, Tomsk region, October 2022].
- Riazantseva I.V. (2022) Trudoustroistvo inostrannykh studentov i vyipusnikov na rossiiskom rynke truda kak element vospolneniia trudovykh resursov strany [Employment of foreign students and graduates in the Russian labour market as an element of replenishing the country's labour resources], *Ekonomika truda*, vol. 9, no. 1, pp. 55–68.
- Ricoeur, P. (1992) *Oneself as Another*. Trans. by Kathleen Blamey, Chicago: The University of Chicago Press.
- Ricoeur, P. (1995) *Germenevtika, etika, politika: Moskovskie leksii i interv'iu* [Hermeneutics, Ethics, Politics: Moscow Lectures and Interviews], trans. O.I. Machul'skaia. Moscow: AO «KAMI».
- Ryzhova N.P. (2009) Vzaimnaia ekonomicheskaia adaptatsiia kitaiskikh rabochikh i ikh rossiiskikh rabotodatelei v transgranichnom gorode [Mutual economic adaptation of Chinese workers and their Russian employers in a cross-border city]. In: *Integratsiia ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nyie i neformal'nyie praktiki* [Integration of economic migrants in Russian's regions. Formal and informal practices]. Ed. by N.P. Ryzhova. Irkutsk: Ottisk. pp. 25–36.
- Ryzhova N.P. (2010) Prirodnyie resursy rossiiskogo Dal'nego Vostoka: institutsional'nyie izmeneniia i ekstralegal'nyie praktiki [Natural resources of the Russian Far East: Institutional changes and extralegal practices]. In: *Migratsii i diasporyi v sotsiokul'turnom, politicheskoi i ekonomicheskoi prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk. pp. 282–312.
- Ryzhova N.P. (2007) Organizatsiia prostranstva transgranichnykh gorodov [Organising Space in Cross-border Towns]. In: *Migranty i diaspory na Vostoke Rossii: praktiki vzaimodeistvia s obshchestvom i gosudarstvom* [Migrants and Diasporas in Russia's East: Practices of Interaction with Society and State]. Ed. by V.I. Diatlov, I.T. Abdulova, M.N. Koval'skaia, A.Iu. Okhotnikov, Iu.N. Pinigina, N.P. Ryzhova. Irkutsk: Natalis. pp. 48–67.
- Ryzhova N., Ioffe G. (2009) Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 50, no. 3, pp. 348–364.
- Shaglanova O.A. (2011) Chinese Labour Migration in the Context of a Buryat Village, *Inner Asia*, vol. 13, pp. 297–313.
- Shapkina Ie.A. (2021) Pravovaia pomoshch' i riski pri trudoustroistve inostrannykh molodykh spetsialistov v Rossii [Legal assistance and risks in the employment of foreign young specialists in Russia], *Migratsionnoe pravo*, no. 4, pp. 15–19.

- Sharmashkeeva N.Zh. (2007) *Sotsiokul'turnaia adaptatsiia kitaiskikh migrantov v Buriatii*: dis. ... kand. ist. nauk [Sociocultural adaptation of Chinese migrants in Buryatia]. Candidate of Science (History) dissertation. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science.
- Tian Y. (2008) *China's Imports of Russian Timber: Chinese Actors in the Timber Commodity Chain and the Risks of Involvement in Illegal Logging and the Resultant Trade*. Hayama: Institute for Global Environmental Strategies.
- Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands*. Ed. by C. Humphrey. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.
- Ushakin S.A. (2004) Etnografiia sebia, ili o pol'ze formalizma v antropologii [Ethnography Of One's Self: On Benefits of Formalism in Anthropology], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 7, no. 2, pp. 160–172.
- Yakovleva K.A. (2016) Sotsialno-ekonomicheskaya effektivnost' lesopol'zovaniia v prigranichnykh regionakh Rossii [Socio-economic efficiency of forest management in the border regions of Russia], *Vestnik ZabGU. Ekonomicheskie nauki*, vol. 22, no. 11, pp. 151–160.
- Yu J. (2021) Caught in the Middle? Chinese International Students' Self-formation amid Politics and Pandemic. *International Journal of Chinese Education*, vol. 10, no. 3, pp. 1–15.
- Zuenko I.Iu. (2015) Kitaiskoe prisutstvie v sel'skom khoziaistve Da'lnego Vostoka: nekotoryie aspektyi problemyi [Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem], *Izvestiia Vostochnogo Instituta*, no. 2 (26), pp. 51–59.

Сведения об авторе:

ЕМЕЦ Себастьян – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sebastjan Jemec, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 09 декабря 2023;
принята к публикации 28 августа 2024.*

*The article was submitted 09.12.2023;
accepted for publication 28.08.2024.*